

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЕГОРА ГАЙДАРА

Сергей ДУБИНИНдоктор экономических наук, профессор,
член Совета директоров
ЗАО «ВТБ Капитал»

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

Первое пересечение моей судьбы с жизнью Егора Гайдара произошло на экономическом факультете МГУ, когда я был молодым преподавателем, а Егор Тимурович — еще более молодым студентом. Первое, что я услышал о нем, разумеется помимо знаменитой фамилии, это то, что этого студента не имеет смысла спрашивать на семинарах, поскольку он «все равно все знает». Спрашивать приходилось, хотя бы для того, чтобы поставить неизменное «отлично» на экзамене.

Вторая встреча произошла гораздо позже, в конце 1980-х годов, когда уже я принес ему на суд свои знания в виде текстов статьи и законопроектов. Егор Гайдар был заместителем главного редактора журнала «Коммунист». В целом все это пригодилось нам позднее — в третьей жизни, когда от самых прекрасных слов об экономических реформах пришлось перейти к грубой практике конкретных дел. Осенью 1991 года Егор Тимурович стал заместителем Председателя правительства РФ Бориса Николаевича Ельцина, который совмещал с этой новой для себя должностью пост Президента России.

Вскоре Президент Ельцин смело доверил экономический блок в правительстве руководству Гайдара. Нет необходимости вновь описывать бедственное состояние экономики Российской Федерации того времени, которая по всей своей структуре все еще оставалась частью единого советского народно-хозяйственного комплекса. Российская экономика не имела абсолютно ничего общего с рыночным хозяйством, но без перехода к рынку нормально функционировать уже не могла.

Сегодня многие экономически вполне грамотные люди не знают,

а может быть, не подозревали и двадцать лет тому назад, что Советский Союз пережил не только политическое, но и вполне реальное финансовое банкротство, первый дефолт 1990-х годов, когда в том самом 1991 году не смог обслуживать внешние долги страны. Как рассказывал сам Егор Гайдар, танкеры с дизельным топливом для российских ТЭЦ стояли в море перед портами бывшего СССР и отказывались подходить к терминалам на разгрузку, потому что правительству нечем было заплатить зарубежным поставщикам нефтепродуктов. Все это происходило в ноябре—декабре 1991 года. Зима и в том году не отсрочила свой приход.

В этой третьей своей жизни Егор Гайдар проявил удивительные лидерские качества, причем уже не в научной работе, а в принятии управленческих решений. Благодаря решениям Ельцина и Гайдара «развод по-русски» с союзными республиками, включая разделение экономических активов и обязательств, прошел без крови и без новой гражданской войны между этими странами.

Осенью 1991 года, в октябре—ноябре, я приходил домой, в свою московскую квартиру, ставил наполненный водой из-под крана чайник на газовую плиту и думал о том, что в дни, когда в стране не осталось центральной власти и распадается само государство, каким-то чудом сохраняются простые повседневные коммунальные удобства. Люди в России в 1991 году не хотели новой Смуты, не хотели погромов, мародерства. Никому не удалось столкнуть нас в хаос. То же самое можно сказать и про Украину, Белоруссию, Казахстан.

Значит, в России в позднесоветское время начали образовываться элементы гражданского общества, росло самоуважение людей, укреплялось чувство собственного достоинства. Элементарный порядок опирался не только на голое принуждение. Начал вырабатываться национальный консенсус в отношении того, каким должно быть правительство, какой должна быть жизнь граждан. Четвертая русская революция началась с того, что народ отказался признавать советское правительство соответствующим этим требованиям.

Не стоит забывать, что и летом 1991 года, и осенью 1993 года мы стояли перед лицом реальной угрозы того, что может пролиться большая кровь. Достаточно сопоставить все происходившее тогда с югославским сценарием или с событиями революционных 1917—1922 годов в Российском государстве. При этом в 1991—1993 годы все происходило на территории, нашпигованной ядерным оружием.

Егор Гайдар оставался на связи с руководимыми им людьми в любое время суток. Он отвечал среди ночи на мои звонки из Ташкента или Киева, где шли переговоры о судьбе рублевой зоны. Принимал или отклонял спорные решения и никогда затем не отказывался от ответственности за них. Так, введение эстонской кроны и выход Эстонии из зоны рубля были оформлены договором России с Эстонией, на проекте которого нам не удалось получить никакой визы в МИД РФ. Я уверен, что те люди просто опасались ответственности. Егор Гайдар его подписал, и экономические связи не были разрушены.

Возобновить привлечение иностранных кредитов удалось только после подписания договоров «нулевого варианта» по зарубежным долгам и активам бывшего СССР с правительствами бывших советских республик. Сложнее всего шел диалог с украинским правительством, но и его Гайдар, при участии Петра Авена и моем, вывел на приемлемый компромисс.

Пример из совершенно иной эпохи — период перед дефолтом в июне 1998 года. Перед началом переговоров с МВФ руководители финансо-

вых властей собрались на совещание у президента Ельцина. Необходимо было окончательно определить, на что мы соглашаемся, а на что — нет. Участвовали А.Я. Лившиц, М.М. Задорнов и я. После нашего доклада Борис Николаевич попросил подключить к переговорам с Фондом А. Чубайса и Е. Гайдара. Он прекрасно знал, что для Стэнли Фишера, от которого тогда зависела судьба кредита, очень важно мнение именно этих политиков.

Ни тот, ни другой не отказались взвалить на себя еще и эту ответственность, осознавая высокую цену вопроса. А ведь они хорошо понимали, что успеха ожидать трудно. Это и есть высокое чувство долга.

Стоит вновь мысленно вернуться почти на двадцать лет назад, в начало 1990-х годов, и задаться вопросом: а каков был ресурс российской власти для проведения целенаправленного государственного курса. В границах Российской Федерации практически все рычаги центральной власти несли марку союзного уровня управления. Формально говоря, распад Советского Союза оставлял Россию в обстановке безвластия. Практически все основные союзные силовые структуры натужно и не сразу признали власть российского президента.

Само законодательство российской власти, включая указы президента Бориса Ельцина, сводилось либо к разрешению местным властям действовать по собственному разумению, делать то, что уже и так делалось по факту (вспомним знаменитое: «Берите столько самостоятельности, сколько проглотите»), либо к призывам двигаться в определенном направлении, причем добровольно.

Наибольшие споры вызывает и сегодня политика приватизации государственной собственности. Попробуем взглянуть на происходившее без политической риторики и истерики. Нелишне напомнить, что в приватизации ЮКОСа активно поучаствовал Сергей Муравленко, назначенный в марте 1993 года руководителем АО «Нефтяная компания ЮКОС». В 1996 году он уже входил в список крупнейших предпринимателей России, занимая одиннадцатое место. Затем он был избран в Госдуму РФ по списку КПРФ.

О чем все это говорит? О том, что уже в конце 1980-х — начале 1990-х годов директора использовали государственную собственность как свою. Считается, что первопроходцем в манипулировании финансовыми потоками был Б. Березовский. Да ничего подобного! Его на «Автовазе» еще и близко не было, а директорский корпус уже всю «разруливал» финансы на основе советского закона «О предприятии».

Заводы, газеты, пароходы, а также масса других предприятий в начале 1990-х годов оказались фактически в полном распоряжении своих генеральных директоров, «генералов» — как их называли в советское время и как продолжают называть сегодня. Не имея еще формальных прав собственности на основные фонды, «генералы» уже свободно распоряжались потоками денежных средств от продажи продукции либо обменивали товары по бартеру. При этом никакой реальной ответственности за свои действия они не несли. Стимулов для вложения средств в инвестиции в «чужую» государственную собственность у них не было.

Милиция или налоговая служба в первой половине 1990-х годов оказывались не в состоянии принять меры не то чтобы к нефтяным «генералам», но даже к очевидным жуликам типа строителей финансовых пирамид — «МММ», «Тибет», «Властилина» и тому подобным.

Рабочий «Норильского никеля», тогда еще не ОАО, а госпредприятия, приехавший в Москву требовать в Минфине свою зарплату, рассказывал мне, как «красный генерал» кричал сотрудникам: «Ну что, боролись за свободу —

получайте свою свободу, нет денег на зарплату!» А цветные и драгоценные металлы в это время исправно продавались концерном на мировом рынке.

Можно сожалеть, что приватизация привела к тому, что именно эти «красные генералы» и становились основными владельцами предприятий. Но есть и иная сторона этого вопроса. В то время ни один ответственный политик не имел возможности, а следовательно, и права не учитывать интересы и убеждения столь влиятельной части российской руководящей элиты.

Сегодня многие говорят, что надо было продавать все за настоящую цену. Но кто готов был платить за заводы на территории страны, в которой государственная власть была неустойчивой, а законы исполнялись лишь по доброй воле ее граждан? Какова в этих условиях «настоящая цена»? С учетом существующих рисков она была равна нулю рублей, или нулю долларов, кому как понравится!

Но если бы, неведомо как, свершилось чудо и за «Юганскнефтегаз» в году эдак 1992-м кто-то решил бы заплатить 5—6 миллиардов долларов — кто мог это сделать, кем был бы этот «кто-то»? Исключительно иностранная фирма. Именно так и развивались события во многих бывших соцстранах Восточной Европы: продажа за небольшие деньги предприятий иностранному капиталу либо погашение этими объектами госсобственности долгов перед зарубежными странами.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов очень многие хозяйственники были заинтересованы в отмене жестко регламентированных государственных цен и в свободе ценообразования. Даже советские директора понимали, что, хотя это и приведет к колоссальным перекосам, социальным взрывам, однако перед ними откроются захватывающие перспективы. Они были жизненно заинтересованы в экономической свободе, даже оставаясь непримиримыми идейными противниками капитализма. «Красные директора» знали, что в условиях плановой экономики организовать на их заводах эффективное производство невозможно.

В 1992 году необходимо было найти что-то, что позволило бы апеллировать к коллективному интересу, заинтересовать одновременно большое количество людей. Показать, что в результате предстоящих действий выиграет не ограниченный круг элиты, а именно широкие народные массы. Уплата налогов в качестве такого условия «выигрыша для всех» не воспринималась. Кто-то из директоров однажды заявил мне прямо в лицо: «Не плачú и платить не буду. У вас все равно украдут. Так лучше я сам это сделаю». Серьезные столкновения по поводу налогов случались постоянно. Было понятно, что если срочно не переломить убежденности большинства людей в том, что налоги можно не платить, то кризис неизбежен. Конечно, нащупать такой общий интерес в ситуации 1991 года было крайне трудно. Не существовало простых решений. Нельзя было четко объявить: мы сделаем то-то и то-то — и сразу все закрутится. Но альтернатив было немного: либо «продразверстка» и переход на карточную систему, либо свободные цены.

Механизм общего дела и интереса сработал уже вскоре, при освобождении цен и введении свободы торговли, причем сам по себе, без дальнейшего вмешательства власти. Люди на подсознательном уровне поняли, что без их собственной активности пострадает их собственный интерес. Развал государства не был выгоден никому. Угроза бандитского беспредела напугала и сплотила всех. Ту же проблему затрагивает сегодня в своих статьях М. Ходорковский. Он предлагает президенту выделить из интеллектуального сообщества некую достаточно многочисленную команду специалистов и дать им возможность воплотить в жизнь свои продуктивные идеи. В результате за-

пустится механизм модернизации. Я считаю, что это утопия. Реально начать любую модернизацию можно только в том случае, если у огромной массы людей возникает непосредственный интерес в ней участвовать. При этом все должны понимать, что реализация проекта позволит каждому человеку изменить жизнь к лучшему. Люди могут не разделять тех или иных взглядов, но они должны видеть впереди конкретную цель, где есть место их собственным интересам. Только тогда народ включится в общее дело. В результате реформы совершаются вопреки любым объективным трудностям. Срабатывает чувство коллективной заинтересованности в спасении страны.

Считаю, что Егор Гайдар показал себя очень одаренным политиком именно в тот момент, когда сумел нащупать все необходимые социальные и экономические компромиссы, без которых российское общество было бы обречено на полный распад.

Трудное это было время. Помню, как весной 1993 года я входил в зал Верховного Совета РФ, поднимался на трибуну, чтобы объяснить, на что есть в федеральном бюджете деньги, а на что их однозначно не хватает, а из зала «народные избранники» кричали мне: «Мы вас будем вешать и расстреливать!» Мы пытались объяснить, что у Минфина таких денег нет. Нам говорили: «Берите в ЦБ! Кто вам мешает напечатать еще?». А о том, что в этом и состоит главная причина инфляции, никто и слушать не хотел. Депутаты использовали любой вопрос как повод для политической борьбы против правительства и президента. Им надо было доказать, что они «хорошие», дают деньги, а правительство «плохое», эти деньги отбирает. Это, прямо скажу, вызывало сильные эмоции.

Одной из главных угроз, с которыми приходилось сталкиваться реформаторам в начале 1990-х годов и в самом правительстве, был все тот же популизм. Обстановка на заседаниях правительства часто накалялась до предела. Даже в первом правительстве Ельцина—Гайдара «младореформаторы» были в численном меньшинстве. В составе правительства В. Черномырдина все отраслевые министерства возглавляли опытные «красные директора» — «генералы». Финансовым и экономическим блоками в правительстве руководили сторонники реформ. Аудитория на заседаниях была достаточно широкая, такова была практика информационной открытости. В период своей работы в правительстве в 1991—1992 и в 1993 годах Егор Гайдар считал преодоление инфляции приоритетом номер один. Борьба с инфляцией является непростым делом и для высокоразвитых рыночных экономик, реакция же на финансовую экспансию в большинстве развивающихся рынков, и особенно в России, была просто катастрофической. Там, где не сформировалась длительная кредитная история национальной валюты, а сама эта валюта, естественно, ни в коей мере не является резервной, ослабление бюджетной и денежной политики с высокой вероятностью обернется бегством от национальной валюты, ростом скорости обращения денег и инфляцией. Так и произошло в конце 1980-х годов в советской экономике. Либерализация цен лишь сделала скрытую инфляцию, выражавшуюся в тотальном дефиците товаров, явной.

При инфляции 1990-х годов вкладывать средства на длительный срок было невозможно, прежде всего из-за того, что было неизвестно, под какие проценты предоставлять кредиты. Банки с самого начала и вплоть до 2008 года существовали в условиях процентной ставки, которая была ниже темпов инфляции. Они жили за счет кредитной и депозитной разницы — маржи. В результате население не имело возможности надолго вкладывать деньги в банки, потому что они там не сохранялись. Населению приходилось

нести в банк самые короткие деньги типа платежей — или просто с целью, чтобы сбережения хоть какое-то непродолжительное время полежали в надежном месте, а не дома. Какой финансовый инструмент будет использовать нормальный человек, если его вклад в банке не обеспечивает элементарного сохранения денег? Пойдет играть в «МММ» и прочие финансовые пирамиды. Попробовали — счастье не «привалило». Соответственно остается только валюта — самый понятный, легко покупаемый и продаваемый ликвидный инструмент именно для сохранения сбережений. Ничего другого за ажиотажем вокруг валютных курсов в России никогда не стояло. В результате стала неизбежной долларизация всей экономики. Плюс высокая инфляция сделала невозможными эффективные капиталовложения на длительный срок. В итоге рассыпается вся экономика. Государство неизбежно проедает текущие доходы, а ни на что другое такая экономическая модель не ориентирована. Все накопления ему тоже приходится делать в иностранной валюте. Но при этом они не трансформируются во внутренние инвестиции. В лучшем (или худшем — для кого как) случае делаются инвестиции за рубежом, которые, однако, доступны далеко не каждому.

Как можно было развивать экономику при 1000-процентной инфляции? Именно такая инфляция была в 1992 году в результате взаимозачетов платежей. В итоге эти взаимозачеты вбросили в экономику такой объем денег, что они-то и разогнали инфляцию до гипертрофированных масштабов. Это еще хорошо, что она остановилась на 1000%. Могла бы расти дальше, ведь на самом деле для роста инфляции на тот момент не было никаких ограничений. Тот факт, что инфляция сегодня понимается всем обществом как огромная опасность, а финансовые и денежные власти научились держать ее под контролем, — также неоценимая заслуга экономической политики, основы которой закладывались при Егоре Гайдаре.

Наконец, четвертая жизнь и четвертое важнейшее дело Егора Гайдара — это его научная работа. Гайдар — автор таких книг, без которых невозможно понять путь, пройденный Россией¹.

Такого рода работа не прекращается в голове человека ни тогда, когда он погружен в управленческие задачи, ни в редкие минуты отдыха. Мышление аналитика работает непрерывно. Егор Гайдар обладал этими качествами в самой высшей степени.

Книги Егора Гайдара, несомненно, лучшее, что написано по теории переходного периода от социализма к рыночному и демократическому обществу. В период написания своих книг Егор Гайдар как бы исправлял одну из своих недоработок начала 1990-х годов. Думаю, тогда надо было лучше объяснять сложившуюся ситуацию не только друг другу, но и обществу. В России до сих пор сохранились проблемы с гласностью. Люди, проводящие экономическую политику, плохо объясняют свои решения, планы, позиции. Видимо, недостаточно квалифицированно работают профессиональные службы, призванные этим заниматься. Коллеги и журналисты мне тогда часто жаловались: «Гайдар не объяснял населению свои действия». Наверное, у него не хватало дара устного слова для популярного изложения, без чего трудно живет действующему политику. Но принять на себя ответственность и начать реально действовать готов был именно Егор Гайдар.

Знание Гайдаром людей и событий, а главное — его безупречная репутация объективного и мудрого человека привели к тому, что его советы,

¹ См.: Экономика переходного периода / Под ред. Е.Т. Гайдара. М.: ИЭППП, 1998. Введение; Гайдар Е. Долгое время. М.: Дело, 2005; Гайдар Е. Гибель империи. М.: РОССПЭН, 2006.

оценки, рекомендации ценили даже те, кто не разделял его политических взглядов. А о единомышленниках и говорить нечего.

Известный политолог Ф. Фукуяма метко заметил, что есть государства сильные и слабые. Сильные, как правило, четко и жестко исполняют ограниченный круг обязанностей. Напротив, слабые правительства «натягивают» на себя огромное количество полномочий, но качественно исполнять их они не в состоянии. Первая модель — например, США, вторая — Бразилия и многие другие государства среднего уровня развития.

Россия вчера, в 1990-е годы, да и сегодня, в 2000-е, ближе к модели слабой власти, присвоившей себе бесчисленные полномочия.

Если в 1990-е годы декларация о многочисленных задачах и функциях правительства сопровождалась фактической передачей реальных прав в руки крупных олигархических частных структур, то в настоящее время происходит как бы реванш государственного регулирования. Правительственные органы в центре и администрации в регионах усиливают свое вмешательство в дела, которые их не касаются. Сегодня практически невозможно начать бизнес любого масштаба, не получив «благословения» государственных чиновников. И зачастую это далеко не бесплатное удовольствие. Частному бизнесу такие альянсы также кажутся выгодными, поскольку за свои деньги он получает (или рассчитывает получить) защиту своей доли рынка от конкурентов.

И тот, и другой процесс вредны и бесперспективны. Российская экономика не выйдет таким путем на высокий уровень конкурентоспособности. Значит, будущее такого бизнеса ставится в вечную зависимость от покровительства чиновников. Государственный же аппарат скатывается к обслуживанию частных интересов вместо соблюдения интереса общественного. К сожалению, экономический кризис 2008—2009 годов только усиливает эти тенденции.

Такое разложение власти делает ее и политически слабой. Государственная власть теряет в глазах населения страны свой авторитет, свою легитимность. Компенсировать этот отрыв властной элиты от общества с помощью псевдопатриотической националистической риторики и поиска внешних врагов и их внутренних пособников — путь крайне опасный. Любая реальная угроза смены власти может породить ее глубокий кризис. Не стоит забывать, что именно так приходили к власти фашисты в Италии; в подобной обстановке экстремисты не раз бросали вызов государственной демократической системе во многих странах, принадлежащих к европейской цивилизации. Если Россия как составная часть данной цивилизации сумеет подобную угрозу преодолеть, то и в этом будет немалая заслуга Егора Гайдара.